

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-519-528

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Позитивизм в зеркале карнавала: раблезианский хронотоп в творчестве Э. Золя

О.В. Альбрехт

*Литературный институт им. А.М. Горького,
Российская Федерация, 123104, Москва, Тверской б-р, д. 25*

✉ ars-kos@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается применить раблезианский «культурный код» к прочтению некоторых романов Э. Золя. С точки зрения автора, подобный эксперимент позволяет взглянуть на французский натурализм с новой точки зрения как на вариант типологически повторяющегося в истории литературы явления. Раблезианство рассматривается в статье как своеобразная смыслопорождающая модель для французского натуралистического романа, «присвоенная коммуникация» или элемент традиционного литературного дискурса, который актуализирован в эпоху, когда культурные условия и характер основных идеологических и эстетических конфликтов стали аналогичными эпохе французского Ренессанса. В статье осуществляется попытка применить к интерпретации некоторых текстов Э. Золя теорию «карнавального хронотопа» М.М. Бахтина, при этом понятие хронотопа рассматривается широко: предлагается понимать хронотоп как универсальную модель пространственно-временных отношений в романе. Также в статье выражены идеи относительно рассмотрения поэтики «реального» в натуралистическом романе через призму карнавального (предельно детализированного вещного мира); в качестве примеров проанализированы мотивы еды и вина, а также мотив бунта/войны как варианта «войны за еду» и карнавальной битвы Масленицы и Поста. Основной привлеченный для анализа материал взят из романов Э. Золя «Чрево Парижа» («Le Ventre de Paris», 1873), «Западня» («L'Assommoir», 1877), «Жерминаль» («Germinal», 1885).

Ключевые слова: Э. Золя, Ф. Рабле, карнавал, мифологизм, натурализм, позитивизм, хронотоп

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 10 марта 2021 г.; дата принятия к печати – 29 мая 2021 г.

Для цитирования: Альбрехт О.В. Позитивизм в зеркале карнавала: раблезианский хронотоп в творчестве Э. Золя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 519–528. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-519-528

Positivism in the Mirror of Carnival: The Rabelaisian Chronotope in the Works of E. Zola

Olga V. Albrekht

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,
25 Tverskoy Boulevard, Moscow, 123104, Russian Federation
✉ ars-kos@yandex.ru

Abstract. This paper deals with using the Rabelaisian “cultural code”, which the author of the article suggests to be applied to the reading and interpreting of some novels by E. Zola. From the author’s point of view, such an experiment allows us to look at French naturalism from a new point of view, as a variant of a typologically recurring phenomenon in the history of literature. For the French naturalistic novel Rabelaisianism is considered as a kind of meaning-generating model, as “appropriated communication” or as an element of traditional literary discourse. The latter is actualized in a period when the cultural conditions and the nature of the main ideological and aesthetic conflicts became similar to the time of the French Renaissance. The author attempts to apply the theory of the “carnival chronotope”, which is developed by M.M. Bakhtin, to the interpretation of some of E. Zola’s texts. Meanwhile, the concept of the chronotope is considered more widely than that of M.M. Bakhtin: it is proposed to understand the chronotope as a universal model of space-time relations in the novel. The author also views the poetics of the “real” in the naturalistic novel through the prism of the carnival (i. e. extremely detailed material world); as examples, the motives of food and wine, as well as the motive of rebellion and war as a variant of the “war for food” and the carnival battle of Shrovetide (pancake week) and Lent are analyzed in the article. The main material used for the analysis is taken from the novels *Le Ventre de Paris*, 1873 (*The Belly of Paris*), *L’Assommoir*, 1877 (*The Trap*), and *Germinal*, 1885, by E. Zola.

Keywords: E. Zola, F. Rabelais, carnival, mythologism, naturalism, positivism, chronotope

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received: March 10, 2021; accepted: May 29, 2021.

For citation: Albrekht, O.V. (2021). Positivism in the mirror of Carnival: The Rabelaisian chronotope in the works of E. Zola. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 519–528. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-519-528

Введение

Объяснять зачитанный и канонизированный культурой текст с позиций исторической реконструкции условий его создания и первых прочтений кажется сегодня одной из крайностей историцизма; в любом случае такое объяснение не раскроет условий успешного вхождения текста в современный читательский опыт. Вместе с тем произвольность теоретического конструирования может приводить к утрате самого интерпретационного горизонта текста. Очевидно одно: поэтика натуралистического романа не сводится к самодостаточности изображения реального мира, провозглашенной самим Золя в многочисленных манифестах; наблюдается конфликт между постулатами биосоциальной эмпирики, заявляемыми в натурали-

стической теории, и уровнем типизации, художественного обобщения, достигаемого Э. Золя в писательской практике. Проще говоря, неактуальные на сегодняшний день эстетические принципы, разработанные Золя под влиянием идей позитивизма XIX века, никак не препятствуют прочтению романов Золя в общем актуальном контексте французской – и шире европейской – словесности. В попытке объяснения этого противоречия во многом и состоит причина обращения к тем аспектам поэтики натуралистического романа, которые открывают Золя как художника, не ограниченного задекларированными им и его школой эстетическими рамками.

Раблезианство как элемент «Культурного кода»

Гипотеза данной статьи является частной по отношению к общему кругу гипотез и теоретических разработок, связанных с решением проблемы литературных универсалий, архетипов (в аспектах, рассмотренных, например, в работах Е.М. Мелетинского, А.Ю. Большаковой), «семантической памяти» [1. С. 125]. Можно предположить, что агрессивное новаторство натуралистической эстетики не отменяет определенного типа традиционализма, который объясняется объективным (возможно, вполне бессознательным) использованием компонентов универсального литературного кода французского романа как такового. И раблезианский код в таком случае является одним из основных.

Сам Золя как теоретик и критик активно деконструирует и понятие «литературности», и философский дуализм, характерные для XIX века, отрицая любое «приукрашивание» и «достраивание» художником конкретного наблюдаемого факта. Однако на фоне диктуемого эпохой рубежа веков очередного поиска иррациональности бытия человека и природы (символизм в искусстве, ницшеанство, философия А. Бергсона) творчество Золя выглядит не просто органично; вопреки чистому позитивизму заявляемого метода романы представляют те художественные качества, которые в общем смысле характеризуются понятием «мифологизм» (в понимании скорее предмодернистском, чем романтическом; т.е. не в смысле реконструкции мифологизма мышления, а в смысле преодоления историзма и эмпиризма мифом как панхроничной моделью).

Золя, опираясь в поисках новой идеологии на труды по медицине и биологической теории наследственности, как писатель ищет универсальные модели, мифологические прототипы не только персонажей своих романов, но и создаваемых художественных пространств – города и рынка, сада и подземелья, дворца и лабиринта. В ряде случаев тип художественного пространства, создаваемый Золя, можно охарактеризовать, используя такой бахтинский термин, как «раблезианский хронотоп». В определенном смысле раблезианская эстетика у Золя – это модель «присвоенной коммуникации» [2. Р. 195], которая может существовать, подобно мифу, независимо от

исторической конкретики материала. На этом основании Р. Барт считал, что миф как таковой – семиологическая модель, смыслопорождающая форма [2. Р. 196].

Темы витальности, земного воспроизводящего начала, биологической цикличности жизненных процессов в целом пересекаются с темами романа Рабле. Постоянное подчеркивание антиэстетического, «пищеварительно-эротического», вульгарного (с точки зрения «критики хорошего вкуса» XIX века) начала в романах Золя само по себе навязывает определенные исторические параллели.

Условия и границы применения бахтинского подхода к интерпретации натуралистического текста

Если при анализе художественного пространства романов Золя опираться на созданную М. Бахтиным в книге «Формы времени и хронотопа в романе» модель раблезианского хронотопа, то нужно определить, что позволяет применить бахтинский анализ, направленный на исследование феномена ренессансной культуры, к литературе XIX века. Использование термина «раблезианский хронотоп» в данной статье расширительно по отношению к источнику, поскольку у Бахтина понятие хронотопа связано с концепцией жанра и описанием определенных исторических стадий литературного процесса: «Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы...» [3. С. 341], но под несколько иным углом зрения оказывается вполне возможным рассмотреть хронотоп и как общую парадигму определенных типов художественного выражения пространственно-временных отношений. Бахтин рассматривает эти типы в связи с культурно-историческим контекстом порождения, а их более позднее присутствие объясняет атавизмами [3. С. 342].

Однако смыслопорождающая продуктивность определенного типа хронотопа может продолжаться далеко во времени и реализовываться (актуализироваться) всякий раз, когда культурно-исторические условия типологически совпадут с теми, которые данный хронотоп и породили. Бахтин связывает раблезианский хронотоп с переходным историческим временем – кризисом христианской средневековой культуры. При этом подчеркивается, что раблезианство как таковое – проявление деконструкции по отношению к религиозному дуалистическому мировоззрению, ценностно противопоставлявшему духовное и телесное. «Необходимо разрушить и перестроить всю эту ложную картину мира, порвать все ложные иерархические связи между вещами и идеями... Необходимо дать вещам соприкоснуться в их живой телесности и в их качественном многообразии» [3. С. 420] (ср. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», книга 1, гл. LII–LVII). «Нет ничего опаснее вымысла, – пишет Золя в своей работе „Натурализм в театре“, – если в произведении мир представлен в ложном свете, то оно сбивает с толку читателей и погружает их в мир иллюзорного и случайного...» [4. С. 338] «...за

чисто литературным, казалось бы, вопросом... стоит не что иное, как призыв возвратиться к природе, великое натуралистическое течение, которое породило наши верования и познания» [4. С. 423].

Можно констатировать, что натуралистическая деконструкция направлена не только на классические представления о возвышенном и прекрасном, но и на романтический философский дуализм, противопоставивший духовное и телесное в человеке и природе, а также (через апологию естественных наук) на христианские цивилизационные принципы, противопоставляющие плотское и духовное, жизнь как данность и мораль как сверхценность. Все это в совокупности напоминает типологически воспроизводимые культурно-исторические условия, породившие раблезианство как художественный дискурс: литературный процесс второй половины XIX века в Европе развивается в условиях романтико-позитивистского и религиозно-позитивистского противостояния и выбирает аналогичный с Ренессансом способ преодоления устаревшей парадигмы.

Вся сфера раблезианских мотивов, систематизированных Бахтиным (физиология, одежда, еда, пьянство, совокупление, смерть, испражнения), не просто пересекается со сферой художественного интереса натурализма, но и совпадает с натуралистической концепцией «правды» как «исключения идеального начала», человечности, понятой в отсутствие оправдывающей ее духовной доминанты.

Изобилие художественно немотивированных деталей как манифестация «реалистичности» хронотопа

Специфическая черта раблезианского хронотопа, которую можно усмотреть и в романах Золя, – переполненность вещами. При этом вещи не выполняют функцию аллегорическую (что важно для Рабле) или функцию психологической или социальной отсылки-лейтмотива (что важно для Золя, вступающего в литературу в фарватере социально-психологического романа-анализа бальзаковского типа). То, что сам Золя называет «чувством реального» [4. С. 404], вырастает из желания «объективности», когда «реальность как бы довлеет себе... у нее хватает силы отрицать всякую „функциональность“, что сообщение о ней не нуждается во включении в какую-либо структуру» [5. С. 398]. Постулирование реальности как эстетической ценности в романах Золя происходит в противовес романтическому символизму или классической аллегоричности, в рамках которых сущностью эстетического процесса является «декодирование», распознавание скрытого смысла вещей, никогда не существующих в автономном описательном режиме. Натурализм за счет обилия немотивированных деталей разрушает эстетическую презумпцию «вымышленности», преднамеренности текста, бунтуя против приоритета художника над действительностью, осуществляя переход «от классического правдоподобия к современной поэтике референциальной иллюзии» [6. С. 296].

Следует отметить, что роман Рабле выдерживает повествовательную стратегию ирои-комической наукообразности (стремление к «научности» в таком контексте кажется показательным) средневекового псевдотрактата, полного каталогизирующих и абсурдно многочисленных подробностей. Можно предположить при такой аналогии, что навязчивая «научность» натурализма имеет не только позитивистские, но и раблезианские корни.

В общем плане хронотоп с откровенно избыточным предметным наполнением (реализованным подчас в виде перечислений, списков, реестров и т.п.), не обладающим никакой иносказательной функцией, а демонстрирующим себя как эстетический феномен, может быть назван «раблезианским», даже если не входит хронологически в историко-культурный арсенал эпохи Ренессанса, но функционально близок хронотопу Рабле. Обратимся, например, к изображению брачного пира в романе «Западня» (гл. 3), где во множестве характерных подробностей-перечислений – перемены блюд, порядка и характера их поедания и т.п. – непосредственно воспроизведены «пиршественные образы у Рабле» [7. С. 361] (ср., например: Рабле, книга 2, гл. IV). Текстовым примером может служить описание процесса еды свадебного гостя по кличке «Mes-Bottes»; показательность этого фрагмента состоит и в наличии в нем узнаваемого раблезианского гротеска:

...il redemanda trois fois du potage, des assiettes de vermicelle, dans lesquelles il coupait d'énormes tranhces de pain. Alors, quand on eut attaqué les tourtes, il devint la profonde admiration de toute la table. Comme il bâfrait!.. Quel sacré zig tout de même, ce Mes-Bottes! Est-ce qu'un jour il n'avait pas mangé douze oeufs durs et bu douze verres de vin, pendant que les douze coups de midi sonnaient!

Многостраничные перечисления-каталоги товаров в супермаркете Октава Муре (роман «Дамское счастье», гл. 1–2) также имеет смысл сопоставить с «пиршеством», в этот раз – дамского потребления. В четвертой части романа витрина магазина описана как «пиршество красок» (“*une débauche de couleurs*”). К слову, Р. Барт в своей работе об урбанистической семиотике видит в «потребительском экстазе» жителей больших городов субститут эротического начала [8. Р. 270], что также хорошо сочетается с раблезианским наложением тем пиршественных и эротических. В сцене соблазнения дам коммерсантом Муре (их соблазняют одеждой и галантерейными товарами) потребительская возбужденность дамского общества транслируется в стилистике эротической сцены (гл. 3):

Elles ne l'interrompaient plus, elles resserraient encore leur cercle, la bouche entrouverte par un vague sourire, le visage rapproché et tendu, comme dans un élanement de tout leur être vers le tentateur. Leurs yeux pâlissaient, un léger frisson courrait sur leurs nuques.

Карнавальные мотивы в организации пространственно-временной сферы романов Золя

Еда и пьянство – один из самых опознаваемых раблезианских топосов. Из всех многочисленных его характеристик выделим одну, которая кажется наиболее существенной, когда речь идет о реализации этого топоса в натурализме XIX века. Для средневековья мотив еды (мотив непрекращающегося сверхизобильного пиршества) был связан с фольклорными представлениями, в частности, о стране Кокань: «Это вечное изобилие и веселье, реабилитация плоти и демонстративный антиаскетизм, переворачивание привычных представлений и призыв к освобождению от множества запретов» [9. С. 123]. Страна Кокань через архетипические модели фольклора воплощает коллективную мечту Средневековья об отдыхе и пище. Однако уже в фольклорном варианте видно, что образ Кокань отсылает, по всей видимости, и к корпусу кощунственно-игровой народной словесности европейского Средневековья.

В более поздних культурных вариантах, однако, черты пространства Кокань заметно меняются. У Рабле обильная и не регламентированная никаким распорядком еда – не просто праздник, а своего рода бунт против католической аскезы. Еда превращается чуть ли не в политический и протестный акт. Появляется раблезианская политическая сатира: «Борьба католицизма с протестантизмом, в частности с кальвинизмом, изображена в виде борьбы Каремпренана (постника) с Колбасами...» [3. С. 431]. Мотив еды как протеста против догмы как бы умножается на фольклорный мотив праздничного карнавального единоборства.

Наиболее ярко раблезианский мотив еды транслируется в романе Э. Золя «Чрево Парижа». Хронотоп данного романа Золя может быть рассмотрен как вариант хронотопа карнавала – хаоса, ведущего к преображению мира, царства еды как чувственного наслаждения, биологической необходимости и сакральной коллективной трапезы одновременно. Мотив еды у Рабле связан с ренессансным культурным комплексом, компенсирующим религиозно-аскетическую доминанту Средневековья. Своеобразная эстетика монументального гастрономического натюрморта в романе Золя, в свою очередь, компенсирует романтический идеализм.

Пространство Центрального рынка в романе «Чрево Парижа» функционирует в качестве пространства карнавальной битвы Масленицы и Поста, которая приобретает опосредованный контекстом социальных теорий XIX века вид борьбы Толстых и Тощих. Культурный комплекс еды-праздника и еды-освобождения расширяется за счет включения в свои смысловые горизонты фольклорно-раблезианского мотива войны обжор против аскетов (что, в свою очередь, возводится к прототипу масленичных ритуальных боев) [10]. Раблезианский хронотоп поддерживает тему карнавальной войны из-за еды и вина (ср. Рабле, гл. XXV–XXXII), а с другой стороны, поддерживает и

тематическое сближение еды и смерти-жертвоприношения [7. С. 390–391]. У Золя такие сближения часты. В романе «Чрево Парижа» переполненные едой чертоги Центрального рынка возведены буквально на крови погибших во время переворота 4 декабря 1851 года; Флоран, глядя на рынок, вспоминает убитую на его глазах женщину; во время строительства модного магазина «Дамское счастье» погибает жена хозяина, Октава Муре, и здание стоит «на крови»; “l’assommoir” (переведено как «западня», название романа Золя) на старом парижском аргю означает «раздача низкосортного алкоголя» [11. Р. 944], но также это производное от глагола “assommer” – «убивать ударом дубины, валить, оглушать» [12. Р. 54].

Темы войны, революции, битвы за еду как проявления витального начала, стихийности жизни представлены в романе «Жерминаль» и соединяют в себе мотивы насилия и раблезианский карнавальный комплекс. Как и в «Чреве Парижа», в «Жерминаль» обратной стороной темы насилия оказываются темы праздника, карнавала-освобождения. В «раблезианском зеркале» революция выглядит карнавалом, где кровавая жуть перемешана с балаганном комизмом, физиологические импульсы и безумие толпы – с поисками социальной справедливости. В эстетике карнавального выполнены образы женщин из шахтерского поселка – Мукетты и Горелой (la Brûlé). Обе связаны с мотивом карнавальной обценности, сакрального сквернословия, «телесного низа» (в терминологии Бахтина):

Elle leur avait craché tous ses gros mots, elle ne trouvait pas d'injure assez basse, lorsque, brusquement, n'ayant plus que cette mortelle offense à bombarder au nez de la troupe, elle montra son cul. Des deux mains, elle relevait ses jupes, tendait les raines, élargissait la rondeur énorme. ...Un rire de tempête s'éleva, Bébet et Lydie se tordaient, Etienne lui-même, malgré son attente sombre, applaudit à cette nudité insultante. (часть 6, гл.4).

...Elle (la Brûlé) finit par emporter le lambeau, un paquet de chair velue et sanglante, qu'elle agita, avec un rire de triomphe : Je l'ai ! je l'ai !

Поскольку натуралистический роман XIX века придерживается биосоциальных мотивировок, мы видим там карнавальную войну, выведенную в плоскость социальных конфликтов в их позитивистской интерпретации. Но за этой натуралистической мотивированностью присутствует неявное «соседство» (по Бахтину) фольклорного и раблезианского хронотопа, диктующего иной конфликт – универсальный: дух и мысль против плоти и пищи, Пост против Праздника, идеальное и системное против жизненного и стихийного.

Заключение

Проанализированный в работе М.М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» раблезианский хронотоп может быть понят как универ-

сальный тип пространственно-временных отношений в художественном тексте, типологически воспроизводимый на разных исторических этапах развития романа, в частности – в натуралистическом творчестве Э. Золя. В плане эстетики натурализм Золя, как и творчество Ф. Рабле, носит характер деконструкции устоявшейся парадигмы (в случае Золя – классической и отчасти романтической). Эстетический протест Золя направлен против классической условности и представлений «о возвышенном и прекрасном», а также романтической фантазмагоричности и идеализма. Нарочитая деэстетизация, отбор литературных тем у Золя фактически совпадают с раблезианским тематическим репертуаром; при этом физиологические мотивы (еда, пьянство, совокупление) совмещаются с мотивами насилия (массового бунта, революции) и смерти. Под социальными коллизиями романов Золя часто оказывается скрыт раблезианский мотив «войны за еду и вино», а также карнавальная конфликт «Толстых» и «Тощих» и образы битвы Масленицы и Поста. Все это дает основания предполагать, что эстетическая концепция «куска жизни» и предельная ориентация на «реальное» в литературе стали манифестом натурализма. Однако в своей художественной практике Золя ориентирован на традиционные модели французского романного дискурса, реализованные на новом витке исторического развития литературы.

Библиографический список

- [1] *Смирнов И.П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. 190 с.
- [2] *Barthes R.* Le mythe, aujourd'hui // R. Barthes. Mythologies. Ed. du Seuil, 1970. P. 191–247.
- [3] *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340–511
- [4] *Золя Э.* Из сборника «Экспериментальный роман» // Э. Золя. Собр. соч.: в 26 т. Т. 24. М.: Художественная литература, 1966. С. 321–410
- [5] *Барт Р.* Эффект реальности // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 392–400.
- [6] *Зенкин С.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.
- [7] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
- [8] *Barthes R.* Semiologie et urbanisme // R. Barthes. L'aventure sémiologique / ed. du Seuil, 1985. P. 261–271.
- [9] *Силантьева О.Ю.* Страна Кокань и Шлараффия во французской и немецкой литературе XVIII–XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006. 380 с.
- [10] *Scarpa M.* Le Carnival des Halles : Une ethnocritique du « Ventre du Paris » de Zola. P., 2000. 304 p.
- [11] *Zola E.* Le ventre de Paris (commentarii) // E. Zola. Oeuvres complètes en 15 T. T. 2. P., Cercle du livre précieux, 1967. P. 561–821.
- [12] Larousse, petit dictionnaire de Français. Paris, 2006. P. 54

References

- [1] Smirnov, I.P. (1995). *Generation of intertext. Elements of intertextual analysis with examples from the work of B.L. Pasternak*. Saint Petersburg: Iazykovoï tseñtr filologičeskogo fakul'teta SPbGU Publ. (In Russ.)
- [2] Barthes, R. (1970). Le mythe, aujourd'hui. In R. Barthes, *Mythologies* (pp. 191–247). Ed. du Seuil.
- [3] Bakhtin, M.M. (2012). Forms of time and chronotope in the novel. In M.M. Bakhtin, *Collected works* (Vol. 3. The theory of the novel, pp. 340–511). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russ.)
- [4] Zola, E. (1966). From the collection "The experimental novel". In E. Zola, *Collected papers in 26 vols.* (Vol. 24, pp. 321–410). Moscow: Khudozhestvennaia Literatura Publ. (In Russ.)
- [5] Barthes, R. (1994). The Effect of Reality. In R. Barthes. *Selected Works. Semiotics. Poetics* (pp. 392–400), Moscow: Progres Publ. (In Russ.)
- [6] Zenkin, S. (2018). *The theory of literature. Problems and results*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
- [7] Bakhtin, M.M. (2015). *The work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*, Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- [8] Barthes, R. (1985). Semiologie et urbanisme. In R. Barthes, *L'aventure sémiologique* (pp. 261–271). Ed. du Seuil.
- [9] Silant'ieva, O.Iu. *The Country of Kokan and Schlaraffia in French and German literature of the XVIII–XIX centuries* (Dissertation of the Doctor of the Philological Sciences). Moscow, 2006. (In Russ.)
- [10] Scarpa, M. (2000). Le Carnival des Halles: Une ethnocritique du « Ventre du Paris » de Zola. Paris.
- [11] Zola, E. (1967). Le ventre de Paris (the comments). In E. Zola, *Oeuvres complètes* (Vol. 2, pp. 561–821). Paris: Cercle du livre précieux.
- [12] *Larousse, petit dictionnaire de Français* (2006). Paris.

Сведения об авторе:

Альбрехт Ольга Викторовна, аспирант каф. зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького; старший преподаватель каф. славянской филологии ПСТГУ. ORCID: 0000-0002-9359-8237; e-mail: ars-kos@yandex.ru

Bio note:

Olga V. Albrecht, Post-graduate Student of the Department of Foreign Literature of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing; Senior Lecturer of the Department of Slavic Philology of the Orthodox St. Tikhon's University. ORCID: 0000-0002-9359-8237; e-mail: ars-kos@yandex.ru